Игорь БОГДАНОВИЧ
ТАЙНА ТЁМНОЙ КОМНАТЫ

Игорь БОГДАНОВИЧ

ТАЙНА ТЁМНОЙ КОМНАТЫ

Желаю вам приятного чтения и удовольствия от рассказов, фельетонов и повести «Признание» (18+).

Рецензию на произведения можно оставить на моём персональном сайте http://www.bogdanovich.id.lv в разделе «Рецензии».

С уважением,

Игорь БОГДАНОВИЧ

Тираж 100 экземпляров

© Дизайн и оформление –
Игорь Богданович, 2018;
© Фото – Эдуард Утан, 2015;
© Галина Маслобоева – редактор, 2019;
© Зоя Немерова – корректор, 2019;
© Издательство «_____», 2019

ISBN 978

Об авторе

БОГДАНОВИЧ Игорь Александрович родился 28 мая 1976 года в городе Виляны (Латвия).

Корреспондент газеты «Резекненские Вести», соавтор литературного альманаха «Резекне», журналист портала «Рижский стиль».

Творчество автора издавалось в изданиях: в буклете о музее Юрия Тынянова, в литературном издании «Окоём», в сборнике, посвященному городу Виляны, в альманахе «Поэтический вестник», в Международных альманахах «Славянские колокола» и «Злато слово». С 2018 года автор член Международной ассоциации писателей (МАП).

С 2017 года кандидат в члены Интернационального Союза писателей (Россия).

В 2017 и 2018 годах стал лауреатом в конкурсе «Мир без войны, нацизма и насилия» («Świat bez wojny, nazizmu i przemocy»), организованного Польско-Российским фондом

«Общее дело» («Wspólna Sprawa»), в 2017 году опубликован в Литературном русском альманахе «ЛИТЕРА-2017» (Литва). В 2018 году соавтор двухтомника «Вехи времени» (2-й том).

В 2014 году автор выпустил книгу «Во имя любви…» Избранная лирика 2000 – 2013 г.г.»».

Поклонники творчества раскиданы по всему миру: Латвия, Литва, Россия, Германия, Нидерланды, Польша, Болгария, Украина, Беларусь…

ЖИЗНЬ

Где-то далеко за городом всходило весеннее горячее солнце, у рельс, на одной проселочной станции, сидел мужичонка лет семидесяти пяти. Он курил смято-пожеванную сигарку, иногда хрипло басовито закашливался, сплевывая на землю. Дым – густой и сизый струйками выплывал из ноздрей, мутным облачком вырывался, из сморщенных от старости, потрескавшихся губ.

Дед Егор, станционный дворник-смотритель, вот так часто сидел и думал, вспоминал о прошедшей жизни, о молодых годах, которые уже не вернуть, что убежали вместе с красотой и крепостью мышц, подарив

взамен седину и дряхлость кожи. Да, было о чем вспомнить, помечтать о будущем и не только своем (...) как там дети? Разъехались кто куда, что же, такова жизнь – повзрослели и уехали, у них своя жизнь, свои проблемы, куда им еще и мои?!

Дочь где-то в российской глубинке, сын далеко отсюда – за границей. Сначала Егоров сын просто подался на заработки, а затем и насовсем; нашел, молодец, молодую деваху, да и женился. С одной стороны – хорошо это, у каждого свой путь в жизни, да с другой получается, что и забыл-то отца, родные просторы. Егору-то что, он стар, но еще сам себя прокормить может, двигается потихонечку, работает, а вот соседи, они же свой нос везде сунут, все думают, что по-

ди поссорились, иль еще какая хвороба.

Неспокойно отцовское сердце – как они там, мои дети, как внучата, отчего не пишут, уж и говорить не приходится о том, чтобы заглянули в гости на чаек, на побывочку, хоть на пару деньков. Дед бы и баньку сразу справил, и стол накрыл, знал бы заранее, что гости будут, наварил бы хмельного солодового пива.

После смерти жены Матрены время, как-то с тягостью, стало долго тянуться, да и здоровье пошло на спад. То сердце защемит, то кашель забьет, а бывают и ноги гудят... Старость. Дед Егор последний раз затянулся и бросил окурок промеж рельс, вдалеке слышался гудок приближающегося состава. Грузовой идет, уж за долгие годы работы, здесь, на станции,

Егор научился отличать грузовой от пассажирского.

Под грузовым рельсы так и ноют, плачут под тяжестью груза.

Пройдет состав, оставив за собою лишь теплоту рельс и запах перевозимого добра – ароматной свежеспиленной древесины, черного блестящего угля или забивающего ноздри топлива. Вот так и жизнь – пройдет незаметно, а к старости лишь воспоминания...

Состав с гулким грохотом и быстротой проносился мимо, а по перрону станции с метлою в руках, прихрамывая и кашляя, брел сутулый старичок – дед Егор.

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Осторожно, чуть притрагиваясь, покрывало белой сединой поля, леса, опушку… Зима тонким, но теплым (нет, только не холодным) пушистым одеялом снега покрывала матушку Землю. Красавицы елочки наряжались в зимний белоснежный наряд.

Откуда-то издалека попахивало дымом, нет, не костра, но свежих заготовленных еловых дровишек, что мирно потрескивают в русской печке. А на ней уж пристроился мохнатый, отъевшийся деревенской сметаной кот Филимон.

Дед Егор сидел за столом, пил сладкий малиновый чай с сушками.

Вспоминал молодость, то, как бывало, вот так придет Новый год – и оглянуться не успеешь. Весело бывало в ту пору, детвора лепила снежки, крепости, снежных баб. Рождественские колядки и гадания сопровождали каждую зиму.

Сейчас не так. И куда делось то время? Неспокойно стало – хлопушки, фейерверки и цветные шумные огоньки покрывают зимнее предновогоднее небо. Нет больше того милого сердцу приветствия, открытости в душах людей. Что-то изменило их отношение к празднику, да и не только, ко всему прочему…

Но, тем не менее, в душе деда Егора сохранилось то необычайное чувство праздника, любовь к Богу и стремление к чему-то светлому.

Дровишки чуть потрескивали в печи, мохнатый кот посапывал, а в душе старичка рождались уже новые зимние причуды наступающего года.

И как все-таки хорошо, что смена лет происходит зимой, в это упоительное, тихое, снежное время года. И пусть что-то изменилось с тех давних пор, когда вся деревня собиралась вместе около одного большого костра, водили хороводы, пели песни, а молодежь (да и не только) парами гуляла по зимнему лесу.

Нам хочется встретить его, как обычно – весело или спокойно, в уютной семейной обстановке. Пусть же сбудутся все сокровенные желания под последний, 12-й удар часов.

ВСТРЕЧА

Мелкие густые клубы дыма летели в серое вечернее небо. Топилась печка, старая, круглая, дедовская. Хоть и стара печурка, но жару давала дай Бог. Оно и к лучшему – не так быстро поленница растаскается. Да и бабе Марусе в радость – принесет на руках стопочку, стопит и тепло.

Тяжело стало ей, как муж ушел на покой, и за скотиной самой присматривать, и по дому, и по хозяйству, и в поле, все одной. От детей подмоги не ждет, выросли и в город подались. Пусть. Я уж сама...

Бывает, соседская детвора придет на подмогу, то вот поленницу собра-

ли, то воды принесли. Побаловать ребятню, отблагодарить опять же надо, не деньгами, молоком, да яблоками с сада.

Сад у бабы Маруси большой, прямо, можно сказать, элитный. Тут и белый налив, и малиновка, и борщик, антоновка, грушевка... Полным цветом весной цветут, прямо как в этом году, значит к урожаю. Воровать никто не ворует, кому надо тот спросит, баба Маруся добрая, всех угостит, и своего, здешнего, и чужого, ни кому не откажет. Да и не привыкли воровать-то. Еще, когда дед Ефрем жив был, еще при нем эти порядки утвердились, он построже был, просто так яблочек не даст. Ни с жадности, такой у него устав был – или дров до хаты притянуть, или воды в субботнюю баньку.

Просто порядок должен быть, и все тут, да еще любовь к труду! – говаривал он, – мы вот как на свет выплюплялись, ползать начинали, уже работали.

Есть что вспомнить, но только хорошее, от того, что люди они хорошие, таких сейчас мало, еще и поискать надо.

Баба Маруся аккурат раз в месяц идет на могилку к деду, прибраться, поговорить, оно и понятно, поболе пятидесяти десятков душа в душу отжили, детей воспитали, затем внуков. Дочка вот недавно с городу приезжала, просила дом с землею на нее переписать. Отказала ей баба Маруся, та недовольна осталась. Вот сядет бабка около могилки и говорит с дедом, рассказывает про свою жизнь, про то, как справляется без него, о

печалях, о радостях, боле о печалях. Какие тут радости, в девяносто два годика?

– Не дождался ты меня, дед Ефрем, рано ушел, но скоро уж и я к тебе собираюсь, – причитает баба Маруся.

И сколько ей осталось? Один Бог ведает...

...Была вечерняя служба, баба Маруся не пришла, в первой. Не бывало такого, чтобы она службу церковную пропускала, даже, когда сенокос или жатва была, сходит, помолится и снова в поле, а тут нет, не к добру это.

Забеспокоились соседушки, не случилось ли чего?! Случилось.

Зайдя в незапертую хатку, не запирала она никогда, доверяла людям, повеяло холодком, не затопле-

но. В комнатке под иконкою Богоматери, скрестив на груди сухенькие морщинистые ручки, лежала баба Маруся.

Вот и пришел ее черед, встретились они с Ефремом.

ЗЛОЙ РОЗЫГРЫШ

Эта история случилась, когда я учился в профессиональном колледже. С тех пор прошло более десяти лет, но я до сих пор помню ту злополучную историю, которая стала для меня хорошим жизненным уроком.

Кроме профессиональных предметов были и простые школьно-образовательные – алгебра, геометрия, история и физкультура, только она называлась – спортивное обучение. Преподавал нам ее мужичок лет сорока-сорока пяти Кошкин Иван Дмитриевич. Мужик в целом был неплохой, понимающий, но как преподаватель был строг.

Случилась раз такая оказия, что я «заработал» подряд три «банана». Злость была неимоверная. И тут пришла мне в голову такая идея – будешь ты знать, как иметь со мною дело, в следующий раз неповадно будет. И «продавал» у меня Иван Дмитриевич теннисные и волейбольные мячи, газовую плиту «Ariston» и даже женские колготки. В то время многое из этого было в дефиците, объявления висели на досках объявлениях всего города.

На одном из занятий нашу группу собрала классный руководитель и сказала:

– Ребята, с Иваном Дмитриевичем случилась беда.

– А что случилось? Кто же теперь будет преподавать нам спорт? – наперебой сыпались вопросы ребят.

– Он с инфарктом попал в больницу. Годы, дали о себе знать. Тем более в последнее время он много нервничал, не спал ночами. Скорее, всего, возьмут другого учителя.

Я помню, как тогда, февральскими холодными вечерами бегал по городу и срывал расклеенные мною объявления. Мы всей группой приходили в больницу к учителю, рассказывали какие у нас успехи в спорте. Мы тогда не пропускали ни одного занятия, несмотря на то, что спорт вел другой преподаватель. Хотели своими оценками подбодрить учителя.

– Иван Дмитриевич, я наконец-то пробежал стометровку и уложился в стандартное время, на троечку, но все-таки, – рассказывал не в меру полный Негеровский.

– А я подтянулся десять раз, с натяжечкой, конечно, но сделал, –говорил Бейнарович.

– Ну, вы просто молодцы! Я за вас рад!

Он и словом не обмолвился о тех объявлениях, да и на здоровье не жаловался, лишь все повторял:

– Вот подлечусь, встану на лыжи и мы с вами еще повоюем!

Но этому суждено было сбыться не скоро. Сначала больница, потом реабилитация в санатории. Со своим учителем спорта мы встретились лишь на втором курсе.

Я до сих пор с тревогой в сердце вспоминаю тот свой гадкий поступок, тот злой розыгрыш. Иван Дмитриевич, может и догадывался, кто же разместил эти объявления, но ни разу не заговорил со мною об этом, не

упрекнул. Хотя в его глазах можно было прочесть – «За что же ты так со мною?!»

Я до сего момента не извинился перед ним… Простите меня, Иван Дмитриевич, если сможете!

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ПУНКТ

В жизни каждого человека есть что-то, что тревожит, беспокоит душу. Вот и у меня есть такая история. Случилось так, что я работал в одном из промежуточных пунктов между жизнью и смертью, в патологоанатомическом отделении. В морге.

Физически не так и тяжело, скорее душевно, посочувствовать всем невозможно, понять бывает сложно. Ситуация ситуации рознь. Коллектив живой, интересный, взаимоотношения хорошие. Но с одной девушкой, в свободное от работы время я мог болтать часами, так, ни о чем, просто о жизни. Быть может, так получи-

лось, что она оказалась родственной в понимании душой.

Была ли это любовь или просто симпатия – сказать сложно, возможно, просто увлечение, которое чуть сглаживало душевно суровые будни санитара морга. Признаться честно я и сейчас вспоминаю о ней, быть может, не хватает этого общения, но это был мой выбор и только мой – сменить род деятельности.

Вспоминая рабочие будни, на ум приходят живые картинки, иногда они удивительны и смешны. К примеру, у нас в морге не во всех местах была зона для разговоров по мобильному телефону, где этой зоны не было, мы называли это место – Мертвая зона.

Вспоминается, как удивительно смешной сюжет, первое вскрытие.

Аутопсия, секция, вскрытие – назови, как хочешь, сложного и неприятного в этом ничего нет, только иногда непонятно – а зачем? Ну, умер, допустим, человек, всю жизнь жаловался на боли в сердце, перенес два инфаркта, тут и так все ясно, зачем же его резать еще и после смерти? Ведь все равно его не вернешь. Но родственникам сложно объяснить, что вскрывать или нет, зависит не от тебя, над тобою есть начальство, которое все решает.

Вот один из диалогов, касаемо вскрытия:

– Зачем вскрывать моего мальчика, он и так всю жизнь мучился?!

– Идите в больницу улаживайте этот вопрос там, – говорит доктор.

– Мы там уже были.

В час дня мать приезжает за сыном и тут начинается конфликт уже со мною.

– Как, почему он еще не одет?

– Извините, но никаких указаний от доктора я не получал, – отвечаю я.

– Да у вас тут сумасшедший дом! А где вообще доктор?

– Вы ошиблись, это не сумасшедший дом, это морг. Доктор ушел в больницу по делам…

Таких диалогов от недовольных родственников я слышал и сам принимал в них участие неоднократное количество раз. Поймите, ведь мы же тоже люди, которые просто выполняют свою работу. Но многим этого не понять, что мы люди…

– Здравствуйте, мы по поводу Крымского.

– Да, проходите. Одежду можно оставить здесь, – отвечаю я.

– А где доктор? – следует ответ родственников, не обращающих внимания на мои слова.

– Он обедает!

– Как обедает, почему?

– Вы что считаете, что мы не должны обедать? Ведь мы все-таки тоже люди!

– В морге еще и обедать. Ладно, во сколько он будет?..

А бывают люди с понятием, что ты пытаешься и не просто пытаешься, а делаешь все возможное, чтобы покойный родственник был помыт, побрит, если надо, одет и чинно уложен в гроб. Благодарят, приятно, когда в качестве благодарности в твой карман ложится согнутая зеленая бумажка.

Другие интересуются и спрашивают:

– А можете ли вы одеть по староверским обычаям?

– Да, конечно же! Это наша работа.

– Вот тут саван, вот поясок, лестовка.

– Да-да. Лестовку, знаю, на левую руку.

– Что же ты, сынок, такой молодой в морг пошел работать. Страшно, поди?

– Кому-то же надо эту работу выполнять, – отвечаю я…

И ты выполняешь эту работу – вскрываешь, если надо выбираешь комплекс органов, вычерпываешь кровяную жидкость, под руководством доктора препарируешь нужные части органов и кладешь их в воню-

чую жидкость – формалин, зашиваешь, моешь, если надо бреешь, сушишь и одеваешь. Все спланировано и нет никакой суеты.

Это всего лишь промежуточный пункт, а что потом? Кладбище, могила, гроб, стонущие, плачущие, чуть позже поминающие. Вся наша жизнь это промежуточный пункт.

Между чем? Между любовью и ненавистью, преданностью и предательством, праведностью и грехом? Рождением и смертью? Раем, адом, чистилищем?..

Никто не знает. Но у каждого свой промежуточный пункт и прожить его надо с достоинством!

УТРЕННИЙ МАРШРУТ

– Эй, парень! Закурить не найдется? – спросила у Гришки миловидная блондинка.

– Для тебя, красотка, все что угодно! – растянулся в улыбке парень лет тридцати, оглядев молоденькую девушку с ног до головы.

– А чего такой скучный?

– Да, вот, хотел с друганом на дискач в клуб сплавать, а он со своей в кино собрался.

– Так пошли вместе. Ты же в «Рандеву» на диско?

– Да, именно туда. Пошли.

Они двинулись по вечернему городу в сторону местного дискоклуба.

Гриша приобнял девушку за талию, она не была против и даже прижалась к нему поближе, как будто замерзая. Хотя на дворе стоял теплый март…

* * *

Кто-то больно ударил Гришку по голове, он открыл слипшиеся глаза и увидел… Сложно поверить в такое – он увидел проезжающий над ним состав поезда, в ушах раздавалось биение состава об рельсы. Что же он тут делает? Понятное дело та миловидная блондинка – это всего лишь сон. Он понял от чего проснулся. Как говаривал его знакомый путейщик:

– Если грузовой состав идет, запросто можно на путях лежать между рельсами, если только каким шлангом долбанет. А вот если пассажир-

ский, то все баста, там сразу потеребит, а может и на рельсы затянуть, на части в кровавое месиво.

Повезло, однако. Каким же образом я здесь оказался? – думал Гриша. Вспомнилось, как вчера принял маленько на душу у Сосновских, потом собирался домой, шел около лесополосы вдоль железной дороги. А потом… Больше он ничего не помнил. От долгого лежания на шпалах затекла спина, он попытался встать, но этого у него не получилось. Кое как он присел прямо на путях. Пошарил по карманам, нашел пачку сигарет, зажигалку, затянулся.

– Хорошо-то как! – вслух произнес Гриша.

По правую сторону послышался звук чего-то падающего. Гриша испугался, но повернул голову на этот

неожиданный звук. Около путей невдалеке стоял железнодорожник, с полуоткрытым ртом, из которого торчала самокрутка, его глаза, выражали то ли удивление, то ли испуг. Понятное дело Гриша и сам перетрухал. Около мужика валялось ведро, из которого на землю вытекали последние струйки мазута. Потихоньку оба стали приходить в себя.

– Ты чего там делаешь-то? Самоубийца что ли? – спросил у Гриши железнодорожник.

– Да, я и сам не знаю. Только проснулся.

– Ты на голову-то здоров? Нашел где спать.

– Я же не специально. Сам не понимаю, как сюда попал. Вчера из гостей возвращался и вот…

– А, ну ясно. Наверное, принял на душу?

– Ну не без этого. Может, знаешь, Сосновских?

– Нее, я на этом маршруте недавно работаю. Ты бы выбирался оттуда.

– Да, надо как-то. Тебя как звать? Меня Гриша.

– Иваныч я, а звать Потап. Но меня все больше Иванычем называют.

– Будем знакомы! – протянул Гриша руку, выбираясь из путей. – А не знаешь до города далеко?

– Да, с полкилометра будет. Пойдем уж вместе, у меня все равно утренний обход. Тут по маршруту, по путям короче будет, но если хочешь, здесь по лесу через метров двадцать тропка будет, можно и по ней на шоссейку.

– Вдвоем веселее. Какая мне уж разница по путям или по шоссе. Быстрей бы в город.

ЧЁРНАЯ РОЗА

Я всегда любил запах этих божественных цветов, цветов любви. Мне нравились они красные, чайные и без шипов, я любил белые и дарил их дамам своего обожания. Но однажды я полюбил ее…

* * *

Я полюбил ее… Не заметив, что это чувство вновь всколыхнуло мою открытую для любви душу. Она была настолько открыта, настолько обворожительна и притягательна, что от ее шарма я не смог устоять. Многие меня не понимали, да и она сама то-

же не понимала, она иногда говорила:

– Зачем мне столько твоего внимания? Спасибо, конечно же, но не стòит.

Возможно, она в чем-то была права… Я писал для нее любовные стихи, скучал от того, что не могу ее видеть, сердце начинало бешено биться, словно птица, попавшая в силки, когда я вдруг, казалось, слышал ее голос.

Это было прекрасное время, время для творчества и для новых жизненных планов. Только душу уже не радовали темно красные и белые, да и чайные вдруг для меня стали безразличны… Потому, что появилась она – черная роза.

Роза моей любви, цветок моего обожания. Я готов был все отдать ради того, чтобы быть с нею. Но она лишь молчала и только мне одному казалось, что она насмехается надо мною, что вот вдруг она что-то сказала, вот уже улыбнулась и тут же отвернулась.

* * *

Ему казалось, что она чего-то ждет от него, ждет признания или, быть может, более открытых чувств. Он не знал, что она просто хочет жить, жить без столь пристального внимания к своей персоне.

* * *

Я и сейчас люблю ее! И от этой любви, пусть и неспокойно, но так радостно на моей душе. Ведь я знаю,

пройдут годы и, возможно, я полюблю Белую лилию или, быть может, Красный мак.

Я люблю тебя, Черная роза! Люблю за твою божественную красоту и за то, что многие считают тебя цветком похорон и разлуки. Только ты способна радовать мою творческую душу.

* * *

…Шли годы, а черная роза так и оставалась одинокой и неприступной. И лишь осенний ветер до сих пор испытывал к ней те нежные чувства, что мы так привыкли называть любовью!..

ТАЙНА ТЁМНОЙ КОМНАТЫ

Она уже точно, казалось, и не помнит, когда они встретились впервые, да и он тоже делал вид, что не помнит. Они вдвоем не понимали с чего началось их непонимание и вражда, хотя она знала, но всеми силами пыталась сохранить от него эту тайну.

Он появлялся каждый день в определенное время, но она, не смотря ни на что, избегала с ним встреч. Не хотела видеть его лучистую улыбку, его играющую натуру, его нежную любовь и ласку, она ничего этого не хотела. А он все равно появлялся пред нею и старался ей угодить, но, его надежды и усилия были тщетны.

Она всем своим видом показывала, что не хочет его видеть, не хочет его, не хочет, быть может, этих благих намерений и этой открытой любви. Спустя какое-то время она перестала воспринимать его всерьез и лишь изредка злилась на саму себя, что когда-то позволила себе познакомиться с ним и завести какие-то отношения, которые никогда не будут иметь ни смысла, ни продолжения. Она-то и знала его всего ничего, если можно так выразиться – более-менее.

Она не хотела от него ничего, ровным счетом ничего, она избегала его внимания и назойливости.

Он понимал, возможно, где-то в глубине души, что они никогда даже не подружатся, но все равно был настойчив и назойлив. Ему почему-то

так хотелось с ней завести дружбу, которая, быть может, когда-нибудь переросла бы в любовь. Когда случалось не видеть ее хотя бы день, для него это было мукой, сильным моральным и душевным потрясением, переживанием – когда же я тебя снова увижу?

Когда шел дождь, ему становилось еще грустнее и от этого его чувства к ней усиливались, но она не хотела этого понимать. Он страдал, но продолжал ее любить. И пусть эта любовь и не была взаимной, он все равно на что-то надеялся. Хоть на маленький ответный жест с ее стороны.

Ей надоела уже такая жизнь и постоянное внимание с его стороны, она как могла, старалась избегать встреч с ним, а он каждый раз находил предлог, чтобы хоть на самую

малость коснуться ее, потревожить своим вниманием.

Ему тоже уже порядком надоело ее безразличие и повод каждый раз спрятаться от него, не ответить на его жгучий призыв.

* * *

– Рыжик, солнышко, зачем ты так со мною поступаешь? Неужели ты не понимаешь, что я всего этого не хочу...

– Я понимаю, но мне так удобней и комфортней быть с тобою.

– Ты помнишь, как мы познакомились?

– Да, наверное. Это был солнечный день, ведь ты помнишь?

– Конечно же, разве я могу это забыть?!

* * *

Быть может, именно такой разговор мог бы произойти между ними, но они молчали, каждый из них думал лишь о своем.

Он о том, что когда-нибудь она ответит ему взаимностью и предложит хотя бы дружбу.

Она же – скорей бы он ее оставил в покое.

* * *

Они действительно познакомились в теплый и солнечный весенний день, когда тяжелые и массивные бархатные шторы пурпурного цвета, занавешивающие маленькое оконце комнаты с черными стенами, створки окна чуть приоткрылись из-за дуновения весеннего ветра и нежный

всех любящий лучик солнца впорхнул в темную комнату.

Он – маленький солнечный лучик навеки влюбился в эту не обласканную солнечным светом комнату.

Она – извечно темная комната была ослеплена его лучистой любовью, для нее было непривычно видеть столько внимания к своей персоне. Ей было уже так привычно оставаться такой темной и невзрачной.

Он так хотел обласкать своим ярко-рыжим солнечным светом каждый уголок, каждую стеночку облизать язычком горячего света. Прикоснуться к этим холодным обоям и чуть-чуть согреть их своей любовью.

Она же – темная комната, так привыкла к мраку и невзрачности, что она страшилась каждого его появления. И только в дождливые дни ей

было особенно спокойно, ведь она знала, что он не придет, не застанет ее врасплох, не потревожит своей яркостью, не ослепит. Не станет вновь предлагать дружбу и навязывать свою светлую любовь.

Ей так нравился мрак и это было ее самой сокровенной тайной. Тайной, которой она не хотела ни с кем делиться, а тем более с ним, с ярким солнечным лучиком.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В однушке на самом отшибе столицы, в районе, где постоянно снуют мухи от располагающейся невдалеке городской свалки, жил он. Он – человек, которому чуть за сорок или немногим больше, с залысинами, да и лысиной на макушке, с небритостью чуть больше недели, в пижаме и шлепанцах на босу ногу, сидел на стареньком хромом табурете, видавшим, казалось, самого Сталина и Берию. Он сидел, широко раздвинув волосатые ноги, так как по-иному просто и не мог, обвисший живот сваливался между них, как у бабы после

продолжительных и мучительных родов.

Он сидел, попивая йогурт прямо из пакета и смотрел по телику какую-то дрянь или очередной ментовский сериал, время от времени звучно отхлебывая из пакета. Тут же, в квартирке и в его грязной, давно уж не видавший женской руки комнатушке, туда-сюда сновали мухи. Он от них не отмахивался, позволял ползать кругом. Иногда они опускались к пакету с йогуртом и заглядывали в горловину, словно пытаясь тоже отхлебнуть из пакета.

Пить йогурт на пару вместе с мухами – это, конечно же, что-то из ряда вон выходящее. Но не для него. Другие бы сказали – «Фуу! Как ужасно!» Но он был другого мнения. То место где он жил, он, да и все в окру-

ге, звали деревней. А раз это деревня, то без мух здесь никак нельзя.

Мухи – это не только разносчики болезней и инфекций, да и прочей дряни, они – незаменимые друзья, считал он. С ними можно поболтать ни о чем, пожаловаться на жизнь и даже попросить почесать за ушком. Но так он считал, пока не произошел следующий разговор, изменивший все его мировоззрение и отношение к сему миру.

* * *

В один из вечеров, все также попивая йогурт вместе с мухами, ко мне подлетела одна из них и спросила... Да-да, спросила человеческим голосом. Я и сам поначалу удивился, но потом понял, что я действительно ее слышу. И не подумайте, не пил я

ничего крепче кофе или зеленого чая. Так вот, она у меня и спрашивает:

– А как Вас по имени отчеству, батенька? А то столько уж времени вместе йогурт попиваем, сосиски да колбаски кушаем, а как Вас величать-то и не знаем.

– Владлен Петрович, – оторопев от услышанного вопроса, ответил я.

– Эка, однако, Ваши мама с папой постарались...

– Это не они! – защищая своих давно почивших родителей, попытался оправдаться я, – Бабушка меня так назвала.

– Ну да, суть не в этом, Владлен Петрович. Эка Вас, однако, угораздило, – со смешком и с нескрытой иронией произнесла муха, – Нам, как и Вам впрочем, не хватает общения,

все-таки живем в одной хате, надо как-то находить общий язык. Общаться, узнавать что-то друг о друге новое, помогать советом...

– Ха-ха-ха! Ах-ха-ха-хах! – рассмеялся вдруг я, – Советом? Да кто вы такие? Вы же всего навсего мухи... Копаетесь там себе на свалках, в дерьме роетесь, все пытаетесь там конфетку найти. А нет ее там, слышите, нет! Там – сплошное дерьмо!

Вдруг я почуял на себе тяжелый недоброжелательный взгляд и не только этой одной говорящей мухи, но и всех тех, что находились в моей квартире. Они смотрели мне в затылок, в щеку, в руку, в глаз...

– Не правы Вы, Владлен! Ой, как не правы. Те мухи – навозные, а мы – столовые, это как нож, бывает пе-

рочинный, карманный, а есть тесак для разделки туш. Но самый именитый – это столовый. К любому званому ужину, да и к обеду его подают, маслица из масленки, чтоб жирным слоем намазать на ломтик хлеба... Так и мы – мухи особенные, завсегдатаи домов людских. С нами, как Вы сами говорили, и потрепаться ни о чем можно и попросить за ушком почесать.

И знаете, что я Вам скажу, Владлен Петрович – не подходит Вам ваше имя. Вам бы более подошло, скажем, Бернард или Вильгельм. Вы же творческая натура, Ваше имя должно звучать!

– Позвольте, мне вполне нравился мое имя. Что же касается моих обвинений, прошу меня извинить, ранее как-то не имел возможности вот так

общаться с мухами. Уже сейчас я узнал о вас много интересного. Да, признаю, вы идеальные собеседники!

– Право, не стоит! Вы вгоняете меня в краску, – со смущением ответила муха; по мордочке которой растекался легкий румянец.

– А как вас мне называть-то? А то просто муха как-то, признаюсь, неудобно...

– У нас, знаете ли, у мух, имен нет. Хотя между собою мы друг друга и называем там Жижикала, Жужукала, Приставуха или Сметанница... Но для Вас я просто Муха.

* * *

Владлен закрутил крышкой початый пакет йогурта и трех-очковым броском отправил в урну в углу ком-

наты. На этот раз, как обычно бывает, он не промахнулся. Громко шаркая сланцами по давно некрашеному полу, поплелся на кухню за очередной порцией живительного напитка.

Он шел и тихо про себя размышлял – Почему вдруг именно сегодня она со мною, заговорила, ведь это уже могло произойти десятки лет назад? Быть может, мы станем хорошими друзьями и, действительно, будем общаться, доверять друг другу свои тайны и делиться сокровенным?..

* * *

Когда я пришел из кухни и усевшись на табурет перед телевизором, где шел один из моих любимых фильмов «Осенний марафон», подлетела Муха и разговор продолжился.

– Вот, я Вам должна сказать, Владлен, Вы – идеальный человек! Просто че-ло-ве-чи-ще! Другой бы на Вашем месте взял бы да прихлопнул меня тапком или скрученной в трубочку газеткой, а Вы нет. Вы человек с большой душой!

– Ай, да бросьте! Какая у меня душа, куча проблем и за душой не шиша!

– Вот вы не правы. Не правы в своих суждениях. И питаетесь, должна я Вам сказать неправильно. От того как Вы питаетесь и наша жизнь зависит. Все эти колбаски, сосиски и подобная дребедень – галимый фастфуд. Вам надо научиться правильно питаться. Я бы вам посоветовала покупать мясо – оно полезнее.

– Да, возможно, дорогая моя Муха, – я и сам удивился, когда ее так наз-

вал, – вы, наверное, правы. Но не всегда денег хватает на это самое мясо, да и с колбаской удобней – купил, в холодильник закинул и все. Надо – достал, ломтиков нарезал и жуй себе.

А вот у меня вопрос – Как вы относитесь к нам, к людям?

– А что я могу сказать про людей?! Люди все разные... Но среди них, увы, встречаются индивидуумы, которых как только стоит узнать поближе, сразу же хочется послать подальше.

А бывают иные, вот как Вы, и это радует, к которым прикипаешь и с радостью летишь на очередную беседу. Муха не договорила...

* * *

Было уже за полночь, когда Владлен проснулся... Телевизор шипел, показывая на экране серые уродливые полоски, пачка йогурта валялась около широко расставленных волосатых ног, из которой вытек оставшийся йогурт и в котором купались мухи.

Некоторые еще издавали звуки: «Жу-жу-жу-жу!» или «Жи-жи-жи-жик!»

Владлен осмотрел комнату, словно кого-то искал, не обнаружив никого поблизости, встал и поплелся к тахте…

– Спать, только спать!

ВОЗВРАТ ПОКУПКИ

Мои родители ожидали появления на свет моей младшей сестренки, мне тогда было всего лишь около лет пяти-шести. Тогда, своим детским умом, я не могла понять, откуда же вообще берутся дети на свет. Подружки по двору, такие же, как я мелочи, говорили, что их или нашли в капусте, или их принес аист, другие же просто пожимали в ответ плечами, не знали.

Моя мама была женщиной стройной и красивой, но со временем она изменилась – у нее вырос огромный живот, и она уже не могла выполнять всю домашнюю работу, и все это

взвалилось на плечи моего папы. Папа говорил, что это все нужно для будущего малыша, но зачем и почему объяснять мне не пытался. Мама же вообще молчала или говорила:

– Подрастешь, сама узнаешь.

Я помню, как мы с маминой мамой и папиными родителями ездили в больницу, которая почему-то называлась родильный дом. Там нам и вручили ее, маленький, завернутый в белые простыни сверточек, мою младшую сестренку. Мама и папа постоянно сюсюкались с нею, а она много плакала, особенно по ночам. Мне же все говорили:

– Не лезь, не мешай, не подходи к ребенку близко, она может от тебя заболеть…

– Заболеть чем? Мама, ты же сама говорила, что я самый здоровый ребенок во всем вашем роду.

– Мало ли, что я там тебе говорила. Сейчас все внимание нужно твоей сестренке, а ты уже большая, должна понимать.

Когда же я заводила разговор о том, откуда же все-таки появилась эта моя сестренка, от которой сплошные проблемы и у моих родителей, и у меня, мне просто говорили:

– Сейчас не до тебя, спроси у бабушки, она лучше знает, что сказать.

Мой интерес был до того велик, что я набралась храбрости и спросила:

– Бабушка, мама говорит, что ты умудрена жизнью и можешь ответить на любой мой вопрос.

– Конечно же, внученька, хотя мама как всегда преувеличивает, на любой вопрос никто тебе не ответит, если только Господь.

– Бабушка, а откуда взялась моя маленькая сестренка? Подружки во дворе рассказывают всякие небылицы про капусту и про аистов. Зачем же мы тогда ездили в этот родильный дом?

Бабушка, как до сих пор помню, тогда немного смутилась, но рассказала мне следующую историю появления на свет этого крохотного вечно ревущего свертка.

– Мы ее купили, в том большом супермаркете, что за пару кварталов от нас. А в родильный дом мы ездили, чтобы удостовериться, что с ребеночком все в порядке. Врачи послушали, взвесили, измерили рост. У вас

же в садике тоже доктор проверяет ваше здоровье, вот и ее тоже надо было проверить. Ведь она же еще совсем крохотулечка.

Тогда, слова бабушки меня не только успокоили, больше, взбодрили и даже подвигли на роковой поступок, который я запомнила на всю свою жизнь…

В один из вечеров к нам в гости пришли бабушки, дедушка, соседи с подъезда, лучшие папины и мамины знакомые. Отмечали месяц с рождения моей сестренки, теперь ее звали не просто Сладенький Колобок или Пусенька, а Танюша. Они сидели за столом ели и пили, а я с другими детьми «играла», вернее сказать, тихенько перешептываясь, чтобы не дай Бог не разбудить Танечку, раскраши-

вали старые номера маминых модных журналов.

Когда все разошлись и родители пошли спать, мне не спалось, мне так хотелось, чтобы все было как раньше, чтобы меня любили, папа бы водил меня по выходным на карусели и на каток, мама бы пекла вкусные булочки с маком и корицей. Хотелось простого детского счастья! И я решилась, оделась, подошла к детской кроватке, посмотрела на этот сопящий сверток, почему-то тогда пришли на ум слова бабушки – «Господи, прости!», прошептав их, я взяла ребенка на руки и вышла из квартиры. Я шла по пустынным, чуть запорошенным снегом, улицам города, шла к супермаркету, чтобы вернуть свою сестренку и обрести свое ушедшее счастье…

* * *

Когда я вспоминаю тот свой поступок, на глаза наворачиваются слезы. Меня никто не ругал, не бил, бабушка винила во всем себя, мама с отцом успокаивали ее и винили себя. Позже мне рассказали, откуда берутся дети, извинялись. Вскоре мы счастливо зажили, как и раньше, только нас было четверо – мама, папа, я и моя маленькая сестренка. Мама снова пекла вкусные горячие булочки, а по выходным мы с папой и сестрой ходили в парк, на карусели…

* * *

Вот скоро и у меня появится моя первая дочурка. И я думаю, как же мне сказать своему сыну, которому всего четыре, что у него будет маленькая сестренка. Как ему объяснить, откуда берется этот маленький сверточек.

МЕСТЬ

Стояло обычное морозное февральское утро. Андрей возвращался с очередной попойки. Он шел ни о чем не думая, пересекая маленький дворик, вдруг услышал доносящийся непонятно откуда такой странный свистящий звук. Он приближался к нему. В пару метрах от себя впереди он увидел, как к нему на уровне промежности приближается диск. В одно мгновенье возник вопрос:

– Что это?

Додумать он не успел стальной диск пилы, двадцати пяти-тридцати сантиметров в диаметре, вторгнулся в него. Шок. Это было первое, что он

испытал. Потом кровь, заливающая светло-синие джинсы, боль приходила постепенно, Андрей упал на колени. Непринужденный, пришедший сам откуда-то крик, вырвался с его, пересохших от похмелья, губ.

– Аааа! Помогите! Аааа!

В противоположную сторону от крика удалялась фигурка мальчонки. Капюшон байки черного цвета прикрывал голову. Пашка. Этого сорванца многие здесь знали. Почему он брел совершенно в другую сторону знал только он. Он шел и насвистывал что-то себе под нос. Он сейчас думал только об одном, о матери, о том, что он наконец-то положил конец ее мученьям. Больше он не тронет ее, ни мать, ни других теток…

Месть. Пашка, тринадцатилетний мальчишка отомстил. Ему уже давно

надоело видеть слезы матери, синяки на ее лице и теле, эти пьянки с Андреем и то, что он делал с нею ночью.

Дворик, в котором на корточках сидел Андрей, наполнился людьми, это были дед Саня и его жена баба Лена. Они рано вставали, ведь надо было натаскать дров и воды. Крик застал врасплох. На босу ногу напялив валенки и натянув старенькую фуфайку, дед поспешил во двор. Увидев сидящего пацана в луже крови, на минуту он растерялся, а потом басовито прокричал:

– Лен, сюда беги быстрей. Пацану тут по самое не могу досталось!

Баба Лена выскочила во двор с причитаниями:

– Ах ты, Господи! Да что же делается-то? Потерпи сынок!

– Аааа! Больно! Мать твою, помоги, старая! – орал Андрей.

– Это ж по самому хозяйству-то досталось, – вертясь вокруг пацана, верещал дед Саня.

– Ай, ты, старый. Нашел время. Беги домой вызывай «скорую». Потерпи, миленький, уж и не знаю, чем тебе здесь помочь. Приедут врачи, им-то уж видней.

На другом конце города послышалось мяукающее завывание сирены.

– Ну, вот. Едут уже. Потерпи, сынок, – захлебываясь в собственных слезах, причитала баба Лена. Хоть и чужой человек, но ей было его жалко. У самой такого возраста внук. До чего этот мир докатился, чтобы вот так…

Звук сирены становился все отчетливей и ближе. Через полминуты

показалась машина «скорой» с мигающими голубыми маячками на крыше.

– Ууу! Ууу! Ууу!

– Уж близко, потерпи еще сынок, – чуть ухмыляясь, говорил дед. – Да что ты причитаешь, старая. Больно поможешь этим ему. Теперь-то ни одной бабе такой не нужен. Это ж надо по самому…

– Вот, старый, тебе бы малость укоротить-то.

– Да, заткнитесь вы! – плача и не скрывая свои слезы, гаркнул Андрей.

Он плакал скорее не от боли, просто слезы лились из глаз. Действительно, а кому я теперь такой нужен. В двадцать три остаться без члена, вся жизнь коту под хвост.

Подъехавшая бригада неотложки загрузила парня в машину. О том,

что здесь произошло что-то ужасное, напоминало лишь кровавое пятно на снегу. С воем машина метнулась в сторону больницы. Дед и баба до сих пор бранились.

* * *

В приемном покое городской больницы, как ни странно, сегодня было спокойно. Персонал после ночной ждал пересменка, попивал горячий утренний кофе. Глухую тишину разорвал истошный вопль, подъезжающей машины неотложной помощи.

– Дорогу! Срочно! Парень в шоковом состоянии, ранение в область малого таза, задет детородный орган, с подозрением на полную ампутацию!

– Лизочка, позвони в донорский, плазму для переливания.

– Готовьте к операции, срочно, изотонический, Рингер лактат, пока не подвезли плазму! – кричал на персонал дежурный хирург Родомиров. Родомиров был одним из тех хирургов, кто пошел по стезям отца. Как и отец, он был великолепный хирург, многие к нему обращались, кто за помощью, кто за советом.

Исподлобья на происходящее смотрели маленькие карие глаза мальчонки, что стоял в натянутом на голову капюшоне байки. Пашка. Что же он здесь делает?

– Мальчик, ты что-то хотел? – спросила подошедшая медсестра Иринка.

– Да, вот, я с ножичком баловался и порезал палец.

– Доктор, тут мальчика посмотрите!

– Ирина, у тебя совесть есть? Какой на хрен мальчик! У меня на столе пациент с диском в члене, а она мне про мальчика. Промойте ранку, и пусть Лиза посмотрит, если что заштопает, неужели впервой.

Кидая диск пилы, из-за кустов, Пашка не думал о том, что его может кто-то заметить он просто хотел отомстить. Уже прицелившись и метнув диск, он заметил, что порезался об острый зубец, капля крови упала на снег, сжав руку в кулак и обхватив запястье второй, он быстро поспешил в больницу. Скажу, что баловался с ножиком и порезался. Теперь он в приемном ожидает помощи. Ему не больно, даже радостно, вот он крутой

Андрюша, весь в слезах, молящий о помощи…

– Ну, пошли, посмотрим, что у тебя там, – обхватив мальчика за плечи, сказала, подошедшая Лиза.

Молоденькая Лиза, работала в больнице на практике от медицинского колледжа. Эта была уже вторая практика в ее родном городе. Скольких разных травм она перевидала – не сосчитать. Так уж сложилось, что все ее дежурства проходили в паре с доктором Родомировым, он ей нравился, нравился тем, что много знает, может многому научить.

Лиза помыла и продезинфицировала руки, надела перчатки, она видела, как глаза мальчика пристально следят за ее движениями.

– Не бойся! Сейчас промоем тебе ранку и посмотрим, что делать дальше.

– А я и не боюсь! А что это за желтая жидкость такая? – спросил Пашка.

– Это фурацелин – такая специальная жидкость для промывания ран. У тебя уже кровь свернулась, я сейчас налью перекиси, больно не будет, кровь только будет шипеть.

На лице Пашки возникло недоумение – как это она будет шипеть. Но когда он увидел, как на его пальце появляется шипящая белая пенка, ему вдруг стало смешно, он улыбнулся, больно действительно не было, скорее щекотно.

– Что дружок, доигрался с ножичком! Придется тебя немного зашить, ранка пусть и небольшая, но надо.

Надо чуток потерпеть. Уколов боишься?

– Мамка говорит, что я будущий мужчина. Потерплю!

Лиза сменила перчатки. Пашка с недоумением смотрел на нее, когда она на надетые перчатки надела еще одни. Зачем? Но, наверное, так надо. Он ничего у нее не спрашивал.

– Сейчас будет немножечко больно, как будто на пальчике будет что-то расти. Но без этого никак.

– Это наркоз, да?

– Да. Я сделаю тебе лидокаин, полежишь немножечко, пока он подействует.

– Хорошо.

Медсестричка уколола палец Пашки в некоторых местах, было не то, что больно, просто неприятно, казалось, что с каждым уколом палец

раздувается и вот-вот лопнет. Но он терпел. Прошло минут пять, прежде чем блестящий полумесяц с синей ниткой вторгнулся в кожу пальца. Больно не было. Лиза с аккуратностью накладывала каждый шовчик, время от времени посматривая на мальчика и иногда спрашивая – Тебе не плохо? Не больно? Пашка лишь отрицательно мотал головой.

– Вот и все! Давай тебе сделаем укольчик от столбняка, и пойдешь домой. Завтра придешь к доктору, я тебе выпишу талончик.

– Спасибо! – это все что мог сказать Пашка.

– И поосторожней с ножичками! – сказала Лиза и улыбнулась вслед уходящему мальчику.

* * *

Андрей выписался из больницы к середине марта. Полиция завела уголовное дело, но толку от этого было мало, как сказал инспектор – вряд ли кого-то удастся поймать. Да и Андрей мало в это верил.

Вот уже третьи сутки подряд он в себя вливает вонючий самогон и тихонечко плачет. От его детородного органа остался лишь маленький обрубок, чтобы пописать. Хирург, который его оперировал, сказал:

– Жить будешь, а вот жить с кем-то это вряд ли. Можно, конечно же, восстановить, пластическая хирургия на многое сейчас способна. Твой тебе не пришьют, а вот протезик любого размера есть возможность поставить. Правда, удовольствие это не дешевое.

Андрей и сам понимал, что денег на пластику у него нет, и не будет. Поэтому и пил. Пил от безысходности. Его друганы сейчас развлекаются в компании красивых телок, ему места там нет. Сегодня он подумал о самоубийстве. Вскрыть вены или намотать мокрое полотенце на шею и лечь спать. Жить не хотелось.

Перед ним стоял только лишь один вопрос, стоял в его голове очень давно, с тех самых пор как это несчастье произошло – Кому же я так насолил? Кто? Он бы не мстил, нет. Просто хотелось знать, чтобы спокойно умереть…

НОВОГОДНЯЯ СОНАТА

Вечер. Канун долгожданной новогодней ночи. Совсем скоро соберутся гости, принесут яркие разноцветные пакеты с таящимися в них подарками, сядем за стол, сначала в ход пойдут салатики, по первой, легкие закуски, по второй, вот уже можно и горячее подавать, а там-то за разговором и не заметишь, как откупоривать холодное шампанское – и на брудершафт за Новый год...

Только вечно у нас все не как у людей! Каждый год мы запекаем в духовке курицу, и каждый год жена забывает ее заблаговременно купить. Так, ничего не понимаю. В этом

доме есть хоть одна пара чистых носков?! Галстук не понять, куда засунул. Вот так и знал, она снова его погладила! Десять лет или меньше (впрочем – неважно) твержу ей, что галстуки не гладят, а она все свое. Так, вот уже и семь вечера, не помню, помидоры надо было посолить или залить сметаной. Вообще не понимаю, кто в доме хозяин?..

Какого черта они тут все снуют, что раньше, что ли, не могли все закупить? Другое дело я, целый день занята – утром собрать мужа на работу, сына в садик, не забыть поцеловать милого, можно и обоих, напомнить, где лежат ключи от машины – мужу, пирожные – сыну. Ну, вот теперь передохну – мой любимый Санто Педро наконец-то в этой серии должен признаться Кармелите

в любви, потом кофейная пауза, ой, а вот уже и Диего... Короче, целый день, как белка в колесе. Ну что же там эта выдра накрашенная так долго копается, так все ли взяла? Рыба есть, вино, лук, сельдерей, петрушка, баночка икры... Что-то, кажется, забыла! Вспомнила!

– Граждане, пропустите меня, если что, я здесь стою, я все оставлю, только за курочкой сбегаю.

– Да что так долго можно делать в магазине? Слава Богу, что малого старикам спихнули, а то и так все кругом идет. Так, кто мне скажет – в шубу селедку надо резать или пропускать через мясорубку и какое мясо она думала положить в этот ежегодный мясной салат? Позвоню теще, она уж знает.

– Мама! Здравствуйте, с наступающим вас, долгих лет, здоровья (чтобы ты загнулась, да поскорее, старая швабра – про себя). Я хотел узнать у вас, мама...

– Ой, как же там милый? Надо быстрее домой, он же без меня не найдет светлую рубашку, опять оденет ту, в которой уже неделю отходил. Мне еще надо накраситься, выщипать брови, сбегать к соседке Лариске сделать маникюр, а что надеть – вообще не представляю, все это я уже надевала, значит, надо еще забежать к Тоне – взять костюм, который ей муж подарил, но она в него не влезает.

– Не понимаю, где можно шляться? Уже за стол пора садиться, сейчас и гости припрутся, а она где-то прохлаждается. Так, сколько же та-

релок и этих приборов, бокалов, рюмок на стол надо? Придут, значит, из моих Санек с Людком, Петруха со своей грымзой, Дианочка – моя бывшая, от благоверной – Танюха, Олечка, Кариночка со своим Толяном и ее бывший. Полон дом соберется, а подарков сколько! Ну, от мужиков в основном в жидком виде, а от дам – всякая ненужная дребедень. Вот скажите мне, зачем мне нужен тостер от Дольче Кабана?..

– Ой, милый, ну вот, а ты волновался, видишь, все уже на столе, я только один глазик подкрашу, я уже скоро, встречай пока гостей, проходите к столу. Что ты говоришь, подарки? А, положи все в детскую...

– Здоров, пять тебе, да сто лет не виделись, да, на работе по-прежнему, шеф – гнида, зарплата – ми-

зер, а у тебя тоже, ну ясно, мужики, может, накатим?

– Девчонки, как же давно, ой, прикид супер, а где такие тени взяла, да, мне мой подарил, а вот и хозяйка... ну пойдемте к столу...

– Горько, горько!

– Милый, мы на Новом годе у Барсуковых, это не свадьба!

– Саша, будь добр, не спи в моем оливье, хотя оливье какой-то странный, впервые слышу, чтобы туда сельдь крошили – шепчет Людочка на ухо просыпающемуся Саше...

– Ну, с Новым годом, и вас, и счастья, денег, ну конечно же, любви!..

– Наконец-то разошлись, хоть бы выпить оставили, сколько посуды, милая, пойдем уединимся в первый день Нового года...

– А вот и я, дорогой... Ты уже спишь, так я и знала, каждый год одно и то же. Завтра опять посуду мыть, а он проснется, опохмелится, снова поспит и с утра на работу, сын в садик, а я опять, как белка в колесе...

СЛУЧАЙ С БОРОДОЮ

Захотелось раз одному мужику сходить в староверскую церкву, посмотреть как там служба проходит. Да вот не задача, здешний поп без бороды в дом Божий не впущает. А мужику так хочется глянуть, хоть одним глазком, аж мочи нет и задумал он такую штуковину – взял у знакомого театрального артистишки бороду на прокат, приклеил, да и пошел.

И случилась в доме Божием с ним вот такая неурядица, не столько с ним, сколько с бородою. Зашел, значит, мужик в храм и видит на него все прям так и пялются, как будто точно знают, что борода приклеенная. Не

по себе ему стало, да интерес велик, а тут и служба началась. А мужик все думает – подойду поближе к попу, чтобы иконостас получше разглядеть. Все стали креститься и он стал, все кланяются – и он, все на колени упали – и он упал. Смотрит мужики чуть челом об пол не бьют, поклоны отвешивая, а он как ни пробует все через раз-другой аккурат башкой об пол.

Да, не это главное, сама суть истории впереди. Подошел мужичок поближе, дабы иконостас рассмотреть, а поп вдруг как заголосит басом, нараспев:

− Госпо-оду помо-о-о-олимся!

У мужичка аж дух перехватило. Вспотел, бедный, прижался бочком к жбану со Святой водой, стоит ни живой, ни мертвый, в себя придти не

может. Видит все кланяться да креститься начали, да и он стал. Кланялся, кланялся, да пока поклоны отвешивал и поронил бороду в жбан со Святой водой.

Неудобно-то в воду Святую руку запускать, люди кругом, да еще к тому же и верующие, но тут случай представился – все на колени попадали. Вот он и думает – Слава Богу, вот оно мое спасение. Да не тут-то было. Поп тот слеповат малость был, подошел он, значит с крестом к жбану, дабы воду крестным знамением осенить, а бороды и не приметил. Осенил воду знамением и зовет матушку, чтобы помогла народ причастить. Матушка подошла к попу и видит нечто-то в жбане, да как завопит в слезах захлебываясь:

– Господи! Помилуй нас грешных! Знамение! Во истину знамение! Гляньте люди добрые – Христов лик на Святой воде. Покайтесь!

А матушка, как и поп, тоже слеповата была. Народ к жбану подошел, смотрит и видит, что в жбане какая-то мочалка плавает, но никто Господним угодникам перечить не стал – знамение, так знамение. Батюшка пуще прежнего креститься стал да поклоны отвешивать, а потом как заголосит:

– Вот, люди добрые, прихожане, увидел Господь наши с вами пригрешения вот и послал нам это знамение. Покайтесь в грехах своих и да прощено вам будет сей момент, по Писанию. Узрел Господь в делах наших грех, кара ждет того, кто не

покаится сей же час и греха своего не оставит.

Вдруг матушка упала перед попом на колени, ноги ему целует, рясою слезы вытирает и плача лепечет:

− Прости меня, батюшка! Каюсь пред тобою, пред Господом нашим и пред народом всем – я давеча полтинник из кассы пожертвований взяла, да на свои хозяйские нужды потратила. А с полгода назад, когда к брату Никодиму в монастырь ездила, я тебе, батюшка, с одним юнцом изменила. Каюсь, Иисусе Христе, бес попутал.

− Бог простит, матушка! Каюсь и я пред тобою Господи Иисусе Христе, согрешил я. Более полуторатысячи из кассы церковной сыну на свадьбу потратил, а Святое вино для причастий водою разбавлял.

И начали каяться поп с матушкой в своих грехах, а народ смотрит на них, лишь дивится, да плечами пожимает. Видит мужик, что на него никто внимания не обращает, вот и подумал он – мне же бороду обратно вернуть надобно. Запустил руку в жбан, поймал бороду, над жбаном поднял, а в церкви, как раз в сей момент тишина установилась, с бороды вода-то капает, да так громко, что весь народ и обернулся посмотреть, что же там такое происходит.

Покраснел мужик, да делать нечего – надо сознаваться.

− Простите меня, люди добрые! Я в Бога неверующий, да разобрал меня интерес посмотреть, как здесь служба ведется, вот и пришел. Бороду одолжил для такого случая, приклеил, а она... сами поди видите.

А тут на диво еще несколько мужиков с себя бороды поздирали. Кого интерес разобрал, иного батюшка без бороды не пускал, а были и те, у кого борода от природы не растет. А поп с матушкой стоят в растерянности, да и сказать не знают чего, только слов обратно не воротишь.

Вот такой случай вышел, прямо можно сказать – с бородою. Много ли потом прихожан в церковь ходило не ведаю, а вот то, что поп и без бороды стал запускать – знаю точно, сам был.

БЛОШИНЫЙ ЦИРК

Раз в одной стране видел я диковинку, не то, чтобы диковинку и не то, чтобы видел. Но вот послушайте. Иду я, значит, по городу той незнакомой мне страны, хоть и говорят все там на таком же языке, как и я. Иду, значит, и вижу – рынок, дай, думаю, зайду, прикуплю какую-никакую обновочку, да подарочков домой.

Так вот, вхожу я в ворота того самого рынка и гляжу народу много, просто тьма-тьмущая. Толкают друг друга и все норовят на один стол аж прямо залезть. Дай, думаю, и я погляжу, что там за диво такое. Смотрю, стоит у прилавка дяденька, а пе-

ред ним аквариум пустой и крышечкой так прикрыт. А народ-то пялится в этот аквариум, все что-то рассмотреть хочет. Ну, думаю, вот дураки-то и что вы там увидеть хотите?!

Тут дяденька, доселе молчавший, и говорит:

– Ну, кто следующий на смотрины цирка?

Посмотрел я на дяденьку, на его трехомудию, смотрю, вроде дяденька не шутит, серьезно так разговор держит. Думаю, от чего бы и мне не посмотреть. И тут же, думаю, небось, сие денежку стоит? Ну и спрашиваю у дядечки:

– А сколько сие удовольствие стоить будет?

– Сотенку, говорит, давай и смотри сколько хошь.

– Так, дайте-ка человеку цирк посмотреть! Говорит дяденька толпе, налегающей на стол.

Был там один мальчонка, лет эдак пяти-шести, все он дяденьку за полу пинджака дергал и денежку обратно просил. А тот лишь отмахивался и говаривал:

– Обратно денег не воротим!

Ну, достал я с портмонета сотню, подал дяденьке и говорю:

– Показывай, что ли.

– Смотри, – говорит дяденька и указывает всей пятернею на аквариум, – Вот, говорит, блошиный цирк!

Подивился я, ну, думаю, вот домой-то приеду, расскажу, какую диковинку видывал.

И дяденька, смотрю, не молчит, все говорит что-то, дай, думаю, по-

слушаю, что он лепечет там. Вот дяденька и говорит:

– Смотри-ка! Вон она как выделывает, как на трапеции прыгает, а вот и прыжок. Оба-на! Тройное сальто! Фуэте! А вот и блохи жонглеры подскочили. Смотри-ка, пять шаров сразу на лапках перебирает.

Ну, думаю, молодец дядька – наш Левша блоху подковал, а этот ее разным профессиям обучил. И не одну, их же там тьма-тьмущая. Дай, думаю, поближе подойду, гляну хоть, как они там эти трюки вытворяют. Подошел, впялился в самое стекло, а ничегошеньки не вижу. Хоть бы какая тварь скакала. А мужичок меж тем дале глаголит:

– Вот дрессировщики вышли, смотри, как муху они выдрессировали, вона как она выделывает!

Ну, думаю, и загибает дяденька – ладно блоху не увидишь, мелюзгу-то такую, но муху-то?! Но сам помалкиваю, далее слушаю. Пусть, думаю, заворачивает, я потом подойду, скажу ему – что же ты, дяденька, народ дуришь! Но пока молчу, слухаю дальше.

– А вот и фокусники, смотри, вон блоха-маг, видишь, в ящик другую запихала и пилочкой пилит. А пилочка-то прямо с волосок и не заметишь. Ну вот и скачки начались, на лошадях-тараканах. Видишь, как она, блоха-то, подпрыгнет и снова на скакуна опускается, а он-то скачет на полном ходу.

Ну, думаю, дяденька совсем заврался. Где же ты тут таракана вылепил? Вот подойду я к тебе в конце представления и аккурат денежку

обратно попрошу, ты ври-ври, да не завирайся. Всю-то, думаю, не попрошу, больно складно сказывает, но вот половину точно спрошу.

А дяденька меж тем продолжает далее про блошиный цирк рассказывать, но тут одна дамочка не выдержала и говорит:

– Послушайте, господин хороший, где вы здесь блох видите? Я вот, ничегошеньки не вижу. Ворочайте мою сотенку обратно и дело с концом, а нет, так пойдемте у полицию, тама уж разберемся.

– Послушайте, мамон! – говорит дяденька, – Это же блохи, они же мелюзга такая, поэтому я вам и рассказываю, что они вытворяют. Я ведь и помолчать могу, смотрите сами.

– Ну, вы и хитрец, батенька! – говорю я, – Ладно блох не видно, но

муху-то с тараканом я-то увижу! На зрение, дай Бог, не жалуюсь!

– Ну, да, ладно, уговорили, ваше право – приврал малость. Сейчас пойду денежку разменю и возверну все, извиняйте, господа!

Сказал это дяденька и подался вглубь рынка. Вот только за каким бесом его погнали деньги менять? Мы бы ему и сами размен учинили. Ждали, ждали, нет нашего дяденьки. Как сквозь землю провалился.

Подходит тут мальчонка, лет эдак семи и глаголит:

– Что, снова этот плут со своим блошиным цирком?

– Да, говорим, вот уже кряду с получасу его дожидаемся. Как ушел деньги менять, а обратно-то и нет его. Может, случилось чего?!

– Нагрел он вас, да и был таков! Аквариум-то пустой! Плакали ваши денежки…

Пустой?! И вправду – пустой! Блоха-то не такая и мелюзга, чтобы ее не заметить, а ежели много… Вот, думаю, посмотрел диковинку, только вот, думаю, сотенку-то зря отдал, да и жалко. Дурят нашего брата, что у нас, то и в той стране, только вот, думаю, приеду домой, расскажу про диковинку эту – про блошиный цирк.

ПРИЗНАНИЕ

Свой скромный, но до ужаса отвратительный рассказ, хочу начать с того, как вообще докатился до такой жизни. Жил в простой семье, ни в чем себе не отказывал, ни в чем не имел нужды. Почему свою жизнь довел до такого кошмара? – ума не приложу. Мне стало стыдно смотреть на себя в зеркало, потому что именно в нем я встречал свои глаза, наполненные страхом, ужасом и хитрой издевкой.

Множество раз я признавался себе в том, что со всем этим пора покончить, но, увы, так как по жизни трус. Да-да, именно трус. Я боялся

признания и призрения, непонимания, а самое главное наказания. Пусть лучше уж кара Божья, чем суд. Суд, эти полные залы ненавидящих тебя людишек, этот крик, душу раздирающий крик; лязг наручников, на моих искусных руках, созданных для творения, для страсти; стук судебного молоточка, маленького и легкого на вид, но производящего холодящий кровь стук, стук смертельного приговора!

Нет, человечество никогда не сможет понять и простить, грех, мой грех, что опускает душу в преисподнюю, а меня самого возносит к вечной славе. Никто не в силах понять насколько я прав. Я никогда не понесу наказания за свою правоту, будьте в этом уверены.

* * *

Вот так начал свой рассказ мой попутчик. Дорога, предстоящая нам, была долгой и длинной, он продолжал свой удивительный рассказ и я с каждым новым его словом все больше и больше ему завидовал. Хотя уже через некоторое время, нескрываемая мною, зависть, переросла в ненависть, при большом желании до нее можно было бы дотронуться и ощутить всю остроту. Но моего попутчика это событие нисколько не смущало и не настораживало, его полная отрешенность от мира сего поражала, как меня самого, так и мой разум.

Я не понимал, да и не понимаю до сих пор, сколько и откуда у людей столько злобы? Как позволительно?..

Он, мой попутчик и рассказчик, любил женщин, любил через ненависть. Он никого не насиловал, он привлекал, обвораживал, пользовался и…

ПОХОТЛИВАЯ УЛЫБКА

Вначале я обратил свое внимание лишь на ее ноги, растущие казалось от ушей, в прямом смысле того слова и на точеную фигурку. Ее лицо было не менее прекрасным. Долгое время я оценивал каждый пласточек этого тела отдельно, смаковал как выдержанное годами вино. Ее маленькая упругая грудь и такая же аккуратная попочка приводили в неописуемый экстаз. Походка, эта походка сводила с ума, ее изящный зад покачивался из стороны в сторону, производя дуновение осеннего ветерка.

Она настолько заинтересовала меня, что я вскоре потерял ночной покой и сон, я ждал, когда же я, наконец, смогу обнять эту нежную талию, дотронуться в легком затяжном поцелуе до ее прелестных ма-

леньких губ, кончика мочки уха. Расстегивать воротничок кофточки и целовать мягкую ароматную кожу, с нежностью и изяществом дотронуться до груди, сжать эту маленькую прелесть, так сильно, чтобы взыграла кровь, обнять губами, лаская языком этот крохотный грудной сосочек. Под милое подмяукывание и постанывание опускаться в ласках все ниже и ниже, целовать этот округлый животик, стройные ножки, не оставляя свободным от поцелуев ни один кусочек этого молодого тела.

Но это были только мечты, пока мечты, но им суждено сбыться. Лишь вопрос – когда?

И вот этот день наступил. Был простой ничем себя неукрасивший сентябрьский вечер, она сама подошла ко мне, широко улыбаясь бело-

зубой улыбкой. Джинсовая мини чуть прикрывала ее изящную попу, белый свитерок предугадывал упругую грудь. Распущенные светлые волосы, слегка завитые в мелкую стружку, довершали изящество картины с натуры.

Во мне тут же проснулось неугасимое желание, я еле мог сдерживать себя, чтобы не наброситься с ласками и поцелуями, мне казалось, что я вот уже притянул ее к себе, откинул упавшую на лицо прядь волос и жадно ворвался с поцелуем в чуть приоткрытые губы…

Она спросила сигарету, все так же кокетливо улыбаясь. Протянутая мною сигаретка тонкими длинными пальчиками с причудливым маникюром перекочевала в маленький ротик, я поднес зажигалку, она затя-

нулась, обнажив на скулах две маленькие ямочки, струйка выпущенного ею дыма непринужденно, но метко покатилась мне в лицо. После недолгих обменов комплиментами, она согласилась составить мне компанию и пообедать в моем обществе. Я неловко и робко обнял ее за талию, и мы двинулись в путь.

В кафешке мы заказали мартини с колой, говорил по большей части я один, а она… улыбалась. Я позвонил в отель, в котором заранее снял номер под нечаянную встречу, попросил все приготовить к моему приходу. Мне, почему-то, казалось, что она не должна меня оттолкнуть. Мои суеверия оказались не напрасными.

Мы вошли в номер, я усадил ее на табурет в прихожей, присев на корточки дотронулся до этих ровных то-

ченых ножек и заглянул исподлобья ей в глаза – они улыбались, как и она сама впрочем, тоже. Моя спутница запрокинула голову назад. Я медленно расстегивал кожаные сапожки, продлевая эмоции, которые накатили на меня. Встав в полный рост, я взял ее за руки и резко притянул девушку к себе, некоторое время мы просто стояли, смотрели друг на друга и молчали, она до сих пор улыбалась. Я поднял ее на руки и внес в темную комнату.

Мрак гостиничного номера ласкал эти два обнаженных тела, время от времени извивающихся в экстазе любовного танца. Мое тело гордо вздымалось и непринужденно падало на ее хрупкую фигуру, мои губы ласкали лицо, шею, грудь, лишь липкий пот разделял близость наших

тел. Нащупав под подушкой то, что искал, я подумал – ведь и ты тоже хочешь наслаждения, но еще слишком рано!.. Со всей, подвластной мне нежностью, мы играли в игру под названием любовь, никто не мог помешать нам, никто не хотел, лишь он… Еще крепче я сжал то, что покоилось и ждало своего часа, минуты, секунды, что было спрятано от чужих глаз и назойливых непонимающих взглядов, его блестящая горячая сталь, накапливала остроту и ненависть и ждала этой молодой сочной крови. Но, еще рано… так мне казалось.

Наступали последние роковые минуты, последние эпизоды экстаза, семя вырвалось дружной толпой сперматозоидов и ворвалось в открытую дверцу лона, этой маленькой

ласковой пещерки. В этот самый момент, не дав совладать с эмоциями и приливом энергии извне, дорогой клинок со смелостью вторгнулся в девичью плоть. Она взвыла, как обиженный щенок, не понимая, что происходит, ее глазки метались из стороны в сторону, ища пристанища и опоры. Я сжал ее шею и уже не крик, а хриплый стон вырывался из когда-то улыбчивых губ. Теплая и густая кровь заливала ложе любовной страсти.

Улыбка появилась на моем доселе скучном лице – она мертва! Я достиг, чего хотел, о чем мечтал. Оставалась не сильно приятная работенка – убрать следы преступления, стереть эту веху истории, стереть навсегда. Я поднял с кровати это безжизненное тело, еще теплое, но менее при-

влекательное и отнес в ванную комнату. Положив тело в ванну, я отступил, чтобы в последний раз насладиться своей работой. Она по-прежнему была красива, нет слов, ее густые волосы ниспадали на когда-то упругую грудь, губы были чуть приоткрыты, как будто она хочет что-то сказать, прошептать тихим голоском – Спасибо! Нет больше той прекрасной улыбки, обнажающей ряд белых зубов. Серые, наполненные страхом глаза, молящие о пощаде со слезинками в уголках, размывающими косметику. Она прекрасна, до сих пор, даже в этом минимализме и ничтожности. Как жаль, что с нею никто, и даже я, не смогу предаться моментам любовной игры.

Кислота с бульканьем наполняла ванну, попадая на тело, она будора-

жила уродливые пузыри, унося в неизвестность красоту женского тела, вылив все до последней капли я почувствовал отвращение, противная вонь наполняла маленькую ванную комнату, зажав нос платком я удалился. Кровь до сих пор пульсировала в моих жилах, сложив в мусорные пакеты ее одежду и постельное белье, пришлось перестелить кровать в гостиничное тряпье и замыть капли свернувшейся крови на полу и спинке кровати. Неплохо бы и вздремнуть, подумал я и откинулся на кровать.

Проснувшись, я проследовал в ванную комнату, где покоилось мерзкое бесформенное месиво, ранее девушка с похотливой белозубой улыбкой. Включив горячую воду, я еще раз задумался – до чего же удивительная вещь жизнь, ополоснув

ванну и вымыв ее гостиничным шампунем, я снова улыбнулся. Убрав все следы преступления и былого наслаждения, прихватив мусорные мешки, я вышел в фойе, опустив мешки в мусоропровод, поспешил к лифту. Войдя в кабинку, я нажал на единичку, он медленно затворил дверки и молча, понес меня вниз.

У стойки меня встретил старый портье:

– Вечер добрый, я надеюсь, вам нравится у нас? Как провели время?

– Спасибо! Все просто замечательно, на качество ваших номеров жаловаться не приходится. А в остальном, впрочем, это уже не важно.

– А как ваша спутница? Еще спит?

Я знал, что она ему приглянулась. Старый плут, знает толк в женщинах!

Но, увы, встретить эту девушку ему не удастся. Никогда!

– Она ушла рано утром, разве вы не заметили?

– О-о-о! Как жаль. Я отлучался, казалось только на минутку. Что же, заходите к нам еще и желательно с подружкой, побалуете старика.

– С удовольствием! – ответил я, улыбнувшись, положил ключи на стойку и вышел через широко распахнувшиеся автоматические двери.

* * *

Холодный осенний ветер хлынул в лицо, довольный собою молодой человек запахнул на ходу полы плаща, раздуваемые в разные стороны пронизывающим и холодным осенним ветром, приподнял воротник и уверенной походкой шагнул в следую-

щий этап жизни. За пазухой плаща покоился вдоволь наигравшийся и удовлетворенный, отливающий завидной сталью клинок. Улыбка озаряла лицо человека, только что совершившего убийство, но, увы, он не будет никогда пойман и наказан. А это уже совершенно другая история.

Историю за историей мой попутчик неторопливо выкладывал мне, иногда задумываясь и улыбаясь, останавливаясь лишь тогда, когда видел, что я не поспеваю записать. В тот момент, мне казалось, как все-таки хорошо, что он именно мой попутчик, ведь я смогу написать удивительную книгу, бестселлер. Мне почему-то не везло на литературном поприще, мои работы не ценились так хорошо, как произведения коллег по ремеслу. И тут такая удача…

ЗНАКОМСТВО

Был ноябрь месяц, совсем недавно выпал первый пушистый снег, мороз с незавидной щедростью уже холодил лицо. Спокойной походкой я прогуливался по городу, ища очередную жертву. Улыбка уже давно исчезла с моего лица, удовлетворенности в жизни не чувствовалось. Деньги – радости не приносили, скорее обязанность, обязанность их тратить, способность устроить жизнь так, как хочешь. И вот в этот самый момент, когда моя голова была занята этой ерундой, я увидел ее.

Стройная худощавая фигура, я предпочитаю именно таких, наверное, именно поэтому мой взгляд и задержался именно на ней. В ней все было просто и идеально – длинные и стройные ноги, хрупкая и утонченная

талия, не менее упругая грудь средних размеров, скромные, чуть поджатые губки, балтийский прямой нос, светлые крашеные волосы. Самое привлекательное в ней, это ее глаза, взглянув в них, сразу же замечаешь в них какую-то нескрываемую злость, зависть, но в то же самое время и доброту. Она не шла, скорее, плыла, бороздя легкий пушистый снег.

Надо было срочно что-то придумать, догнать, о чем-нибудь завести разговор, ее никак нельзя упустить, но как назло ничего не приходило на ум. Я ускорил шаг, будь, что будет. Она остановилась у витрины кафе, поправила прическу и… бархатная черная перчатка выскользнула из руки и с легкостью пожелтевшего листа опустилась на припорошенный снегом тротуар. Вот сей прекрасный

случай, называемый судьбою; я бросился на встречу к этой судьбе, как к единственной и спасительной надежде, едва не сбив с ног, проходящую мимо, дряхлую старушенцию. Подавая перчатку даме моих стремлений мысли, я заглянул еще раз в эти глаза. О, Боже, сколько же в них энергии, в этих карих, почти черных глазах…

– Мадам, вы обронили!

– Мерси! Как вы любезны.

Ее пронзительный взгляд задержался на моем лице, я даже почувствовал, как ее скользящий взгляд с быстротою успел оббежать вокруг меня. Скорее всего, я ее устроил, она улыбнулась, маленькая и скромная улыбка, как говорят, без зубов. Скромная улыбка и таинственная незнакомка…

– Вы не будете против составить мне компанию для маленькой чашечки кофе? Разумеется, в качестве благодарности, в наше время редко встречаешь таких джентльменов – предложила она.

Вот это ход. Признаться честно, такого исхода событий я не ожидал. Кто же кого пытается насадить на крючок – я ее или она меня?! Конечно же, я не мог отказаться.

– Буду только рад. С вами хоть на край света!

Комплимент пришелся ей по вкусу, она вошла в распахнутую мною дверь, девушка мягко, осторожно делая каждый шаг, как крадущаяся в преследовании жертвы кошка, ступала на давно неполированный паркет. Мы подошли к столику, что спрятался в самом темном уголке кафе.

Когда нам принесли заказ я вновь заглянул в эти глаза, в них было… что-то пугающее, но в то же самое время притягивающие. Она заговорила первая:

– Не пора ли нам познакомиться? Мое имя редкое для этих мест, но это очень длинная история и я не думаю, что она вам будет интересна. Быть может, я вам ее расскажу, но не сегодня.

Очень интересный и смелый подход, подумал я, она, еще толком не узнав, что я за птица, набивается на следующую встречу. Мы мило беседовали, как вдруг она сказала:

– Знаете, я все-таки расскажу вам историю своего имени, так не хочется откладывать на потом, если это можно сделать сейчас. И она начала свой рассказ.

Я слушал ее очень внимательно, не отрывая своего взгляда от ее глаз.

– Еще в довоенные годы, я имею в виду Вторую мировую, мои родители эмигрировали с одной очень маленькой страны, тогда была сложная политическая ситуация, ее оккупировали, мои родители держали сеть торговых лавок, и дабы не быть преследуемыми по тогдашним вновь введенным законам эмигрировали. Сейчас на моей, вернее, на родине моих родителей, снова все в порядке – это свободное и независимое государство. Я там никогда не была. Родилась я здесь, а назвали меня в честь бабушки. Даже знаю несколько песен, мама любила мне петь на ночь. А еще я знаю русский, это родной язык моего отца.

– Извиняюсь, что перебиваю. Вы знаете русский? Это же так прекрасно, я просто мечтал встретить кого-то, кто знает этот язык. У меня русские корни, моя мать родом из России, тогда только она называлась иначе, вроде бы Союз Республик.

– Да, вы почти правы. Россия тогда называлась СССР – союз социалистических советских республик, или как-то так.

* * *

Удивительное чувство охватило моего героя, доселе скованный человек, мечтающий удовлетворить свою плоть, вдруг переменился, словно изменив взгляды на жизнь, на все происходящее. Что-то неведомое тянуло его к этой женщине, интерес-

но то, что это была не похоть, он напрочь забыл о ней.

* * *

– Не может этого быть. Неужели мне наконец-то повезло и в этом маленьком, Богом забытом городке я встретила того, кто знает русский. Теперь понятно, откуда это джентльменство, у вас это в крови.

– Вы не поверите, но я тоже в восторге от этой встречи. Извините за нескромный вопрос – чем вы занимаетесь, может, продолжаете дело начатое родителями?

– Знаете, отец действительно продолжал заниматься торговлей здесь, этот бизнес, приносил бы неплохой доход и сейчас, но, к сожалению, все закончилось очень быстро, почти сразу как родители переехали

сюда. Мать не смогла пережить разлуку с родиной, долго и мучительно болела, а вскоре и умерла. Отец продолжал дело, пока я училась, потом все переписал на меня и уехал обратно на родину. Я осталась здесь, ведь я здесь родилась, для меня это моя родина. Он меня понял и не стал настаивать.

Бизнес не для меня, поэтому я работаю учительницей, а денег от проданного дела хватает на то, чтобы выглядеть, как богатая дама. Я вообще люблю детей, вот только своих нет времени завести.

– Вы замужем? – почему-то, вдруг, спросил я.

Странным показался мне мой же вопрос, доселе меня никогда не интересовала чужая жизнь. Может, я

начинаю влюбляться? Скорее прочь эти мысли.

– А пойдемте ко мне! – предложила моя собеседница, игнорируя мой вопрос.

В воздухе повисла долгая, томящая душу пауза, я не знал, что ответить, никогда ранее меня не приглашали, обычно это делал я.

– Я даже не знаю, удобно ли это?

– А как же на счет того, что со мною вы хоть на край света готовы идти?! Доверьтесь мне, прошу вас. Я обещаю вам сказку, а русские сказки, знаете ли, всегда хорошо заканчиваются.

* * *

Он расплатился за кофе, хотя его спутница и протестовала. Если не брать во внимание то, что представ-

ляет о себе наш герой, вполне можно подумать, что это просто влюбленная пара, которая знает друг друга уже не первый день. Обычно знакомство с моим собеседником надолго не затягивалось, очень быстро на мягких лапах кралась смерть…

* * *

Приехав к ней, я чуть было не лишился дара речи от удивления, увидев «маленький» домик, про который мне так искусно рассказали в такси. Доселе очень общительный, я почему-то вдруг осознал всю свою нерешительность этой встречи, свою скованность, так хотелось перейти на «ты», но я все не мог решиться сказать, предложить это. И тогда это сделала она... Она обвила мою шею руками, нежно ущипнула зубами

мочку моего уха и тихо опьяняюще прошептала:

– Ты же ведь меня хочешь, правда? Я тоже. Моя киска давно уже ждет такого, как ты. Я буду тебя сегодня любить и ласкать, я обещаю – тебе будет хорошо. Ни чего не говори и не делай, я сама…

Промолвив эту трогательную и не менее возбуждающую речь, девушка опустилась передо мною на колени, а я все также стоял, как будто оглушенный и ничего непонимающий. Она дотронулась до того места, да, именно до того, вы меня правильно поняли, оценивающим взглядом взглянув на меня все теми же бесстрастными карими глазами, она принялась расстегивать молнию брюк, мой малыш уже был в состоянии эрекции, как же мало надо для

счастья. Брюки упали на пол, моя спутница аккуратно оттянула трусы и опустила вслед за брюками. Мой фаллос угрожающе смотрел ей в лицо, но она, похоже, этого не испугалась, скорее наоборот, ее горячий и мокрый язык дотронулся до головки, нежными скользящими движениями она массировала мой инструмент. Обхватив его такими же горячими губами, она заглотила практически весь член и томными размеренными движениями стала производить процедуру «вперед-назад», не прекращая постоянно работать языком.

Осмелюсь признаться, девушка воистину знала толк в профессиональном искусстве минета. Я кончил ей в рот, она сглотнула и продолжила высасывать, словно ценный напиток богов, сперму из моего члена.

Облизнув маленькую капельку густой спермы с губы, она улыбнулась.

Уже смеркалось, как быстро летит время, я лежал на большой двуспальной кровати полностью обнаженный, во всей своей красоте рядом стояла она… вот-вот готовая приступить к делу, на ней было кружевное белье; плавными движениями она сняла лиф, из-за которого вынырнули две спелые груди, размера третьего, соски уже набухли и стояли торчком, как пара оловянных солдатиков. Теми же плавными неспешными движениями ее пальчики принялись за трусики, это был своего рода стриптиз, без музыки, да она и не нужна была здесь. Стянув трусики, она обнажила моему взору полоску выбритого ежика вдоль половых губ, уже чуть приоткрывшихся и

влажных. Она дотронулась до своей киски пальчиком и раздвинула створки пещерки, чтобы я мог рассмотреть и оценить эту красоту. Желание еще сильнее охватило меня всего, мой томагавк был готов к бою.

Это не девушка, это просто богиня секса, она взобралась на меня сверху, направила рукой моего братца к себе в дырочку и стала медленно и томно ездить по моему стволу. Мгновение и она взвилась, мелкая дрожь охватила ее прекрасное тело, содрогаясь в конвульсиях, она не переставала выполнять роль наездницы, она кончила, близился и мой финал, я чувствовал, как сперма вот уже подступает к извержению. Еще с минуту она каталась на мне пока не почувствовала, как мои соки залили ее мохнатую мышку.

* * *

Ночь прошла в бешеных ритмах любовного танца, проснувшись утром, он заметил рядом с собою местечко со скомканной простыней. И тут он осознал – она жива! Впервые за всю историю своей любви, жертва осталась жива и он даже не жалел об этом, скорее наоборот, радовался. Он задумался, почему-то ему вдруг расхотелось ее убивать. А возможно, это действительно любовь? Он решил – пусть будет пока все так, как есть, время покажет и расставит все точки над «і».

Время, именно оно подскажет, когда острая сталь клинка полоснет это тонкое горлышко, да-да, именно так она уйдет в мир вечных призраков любви, он уже все для себя решил. А пока его ожидал завтрак в постель.

Они еще какое-то время говорили о прошедшей ночи, о том, как им обоим было хорошо, о том, что ее два дня не будет в городе, а потом она предложила остаться у него. На миг мой собеседник почувствовал себя в роли жертвы…

Прошло два дня…

Она появилась на пороге в строгом сером костюме, собранные в пучок волосы еще более подчеркивали ее строгий вид. Маленькие аккуратненькие очки, сквозь линзы которых просматривались карие, ничего хорошего непредвещающие глаза, глаза объятые пеленой сексуального желания и страсти.

* * *

– Милая, я ужасно соскучился! Ты как раз вовремя, я только подумал о

тебе, вернее о нас. Признаться честно, я никогда не думал, что когда-нибудь моей любовницей станет училка.

– Ты думаешь, мы уже любовники? – она рассмеялась мне в глаза. – Глупенький! Ладно, не буду тебя разочаровывать, возможно, кто знает, мы еще будем любовниками.

– Я безумно проголодался, причем в обоих случаях. Я хочу тебя!

– Потерпи! Чем больше жажды, тем страстнее будет наше второе занятие. Поверь.

– Сколько мужчин было у тебя до меня?

– Я никогда не считала. Может, двадцать, может, немногим больше, но таких, как ты я еще не встречала. В тебе есть что-то особенное, какая-

то изюминка, я, правда, пока не могу разобраться, что в тебе загадочного.

* * *

Она и предположить не могла, что именно загадочное в нем, в страстном любовнике, казалось в любящем ее человеке. Она не знала, что та загадка кроется в ее смерти, смерти в любовном экстазе…

Поезд медленно проходил опасный этап пути, постукивая мерным шагом о рельсы, издавая на стыках, привычные всем – ту-ту-туфф!, ту-ту-туфф! За окном вагона, несмотря на медленный ход, мелькали деревья, а рассказ моего попутчика продолжался. На мгновение мне стало жаль его, и я снова стал ему завидовать – почему мне никогда не попалась столь сексуальная и страстная осо-

ба. Он на время забыл о клинке с блестящей острой сталью, который давно уже не грела кровь, горячая женская кровь.

ДУРНУШКА

Сегодня он пошел на работу вместе с нею, он настолько привык к ней, к их отношениям, что и часа разлуки хватало настолько, чтобы впасть в депрессию. Лекция по истории, которую она читала сегодня, была особенна, интересна, времена Римской Империи, великий и беспощадный Нерон, который подверг мученической смерти христиан. Живые факелы горели за веру…

Слушая, он невольно заметил, как одна из девушек-школьниц не то, что смотрит, а пристально изучает его. Темноволосая девушка, ничем непримечательная. Он ей подмигнул, она улыбнулась – история сюжета, стара, как этот мир. В следующее мгновение неизвестно откуда прикатилась идея – вот кем я могу порадо-

вать свой клинок! Эта неопытная дурнушка уже попалась в мои сети, сама того не зная. Скорее всего у столь молодой особы еще не было мужчин, подумал он и вновь вернулся к восприятию лекционного материала.

После окончания лекции он поспешил выйти первым из аудитории, дабы не встречаться и ничего не обсуждать с дамой своего нечаянного поклонения. Захотелось молодой плоти и крови, инстинкт, инстинкт зверя, убийцы. Они встретились у здания колледжа, обменялись стандартными фразами, и дело приняло ожидаемый оборот.

Медленной прогуливающейся походкой они брели по городу, болтая ни о чем, он думал о предстоящем вечере и поэтому не слушал ее бол-

товню. За пазухой сильно пульсировало, не сердце, он, дорогой друг, который сегодня вдоволь удовлетворит жажду. Жажду горячей крови.

…И вот наступил долгожданный вечер. Они танцевали, пили, говорили, смеялись и вот уже поднимаются в лифте, его руки сплелись с ее, губы слились в легком незатяжном поцелуе, но чувствовалась какая-то скованность спутницы.

* * *

– Что с тобою? – спросил я.

Ее голова лежала на моем плече, а моя рука изведывала неизвестные дали – я ласкал ее грудь, которая медленно наливалась соком.

– Все в порядке. Просто, не знаю, как и сказать, я, ну, невинна. Но мне этого очень хочется. Многие мои по-

дружки уже, ну, у них уже было это, у некоторых даже не раз.

– Не волнуйся. Я постараюсь, чтобы тебе не было больно. Тебе понравиться. Ведь ты мне веришь?

– Да, да. Конечно. Я бы не пошла с тобою, если бы думала иначе. Ты выглядишь таким сильным, я еще на лекции обратила на тебя внимание.

* * *

Распахнувшиеся двери лифта прервали их разговор. Они вышли, его спутница чуть покачивалась, скорее всего, от выпитого спиртного. Зайдя в номер и остановившись посреди комнаты, их губы слились в теплом, скорее даже в жарком открытом поцелуе. Его руки скользили по телу девушки, обнажая ее фигуру на пути следования. Одной рукой он

ласкал сосок груди, а другой пробрался к этому невинному лону, чуть приоткрыв пальцами вход он нащупал маленький, но уже возбужденный бугорок. Поглаживая клитор, он возбуждал свою спутницу, она стонала, она уже была готова отдаться, отдаться полностью…

Он опустился на колени и его язык вошел в приоткрытую пещерку, ее тело извивалось от наслаждения, пот покрывал ее спину, ягодицы, грудь. Притянув девушку к себе, мой герой опустил ее на пол, клинок ожидал своего часа, ждал пока мощный зверь, не пробьет путь в неизведанные просторы этого юного тела.

Резко и сильно входил в нее его зверь, она извивалась, билась в конвульсиях, царапала острыми ногтями его спину, но он не хотел обращать

на это внимания, дождавшись, когда первая струя спермы ворвалась густым потоком вглубь ее вагины, острый нож молниеносно прорвал кожу и с хрустом вошел в левую грудь. Истошный крик, вырывающийся из ее губ, приглушали ее же одежда и прекрасный Шопен.

УЖАС ЗЕРКАЛА

С дамой своего неожиданного обожания я встретился поздно вечером следующего дня, она очень соскучилась, как и я, увы, но почему-то, именно это я и не мог понять в себе. Она меня ждала и неплохо приготовилась – свежая постель, застеленная в светло-розовые тона, призывающая к скорейшей интимной близости.

– Ты соскучился по мне, милый?

– Да! – это все, что я смог ответить, мне хотелось действий, а не слов. Почему-то именно сегодня, мой дорогой друг, стальной клинок, вел себя совершенно иначе, складывалось впечатление, что он вот-вот вырвется наружу и будет способен вершить свое великое дело без помощи хозяина.

Да и мне, сегодня не хотелось любви, скорее жертвы. Скорей бы… я обнял ее, наши губы слились в жадном французском поцелуе, покусывая языки друг друга мы стонали от наслаждения, от страсти, которая бурей кипела в нас.

Моя милая любовница повернулась задом, встала на четвереньки, давая мне понять, что она хочет, чтобы я взял ее сзади. Большое зеркало, обрамленное в почерневшую от старости дубовую оправу, висело на стене напротив. Я запомнил на веки эту улыбку, в тот момент, но более всего я запомнил другое…

В один крошечный момент эта улыбка сменилась на ужасную гримасу, на чувство страха и неожиданности – она увидела занесенный над собою клинок. Она не успела издать

прощальный крик, он захлебнулся в разорванном на двое горле… В этот момент я вошел в нее сзади, в уже мертвое, но еще теплое тело…

…Густой туман раннего утра и я покидаю временное убежище, принеся очередную жертву, ее еще прекрасное тело плавало в голубизне бассейна на террасе, озарив мрачным и печальным облаком крови. До чего же очаровательное зрелище, чем-то напоминало весенний закат.

НЕОЖИДАННАЯ СМЕРТЬ

Мы уже подъезжали к станции, на которой мне следовало сойти и расстаться на веки со своим попутчиком, но мне стало до того противно. Как же, он же продолжит свою жизнь, свое мерзкое дело, он снова будет убивать, нет, я не вправе так поступать, я должен, просто обязан что-либо предпринять.

Была ночь, мрак окружал наше уютное купе, где я со своим попутчиком проехали ни одни сутки, многие пассажиры предавались ночным утехам, кому-то из них снились замечательные сны, но мне не спалось, я ворочался с бока на бок. Мой попутчик, безжалостный убийца, тоже спал и возможно, ему снилось, как дорогой клинок с блестящим стальным лезвием раздирает эластичную кожу

следующей жертвы, как густая теплая кровь вырывается наружу.

Не знаю почему, именно в этот момент моих размышлений мне пришла в голову удивительная идея, непреходящая в мою голову ранее. Клинок, где же этот клинок? Мой попутчик еще вечером показывал мне его и положил его на купейный столик. Я поднялся с кровати, так тихо и осторожно, чтобы даже шорохом не разбудить моего попутчика, не включая свет, быстро оделся, на скорую руку собрал вещи, нащупал на столике тот самый клинок, холодная сталь обожгла руку, и я не упустил возможности порезать палец об остроту тонко оточенного лезвия. Сдержав чуть не сорвавшийся с губ выкрик, сжал в своей руке, до белизны костяшек пальцев рукоять клинка,

тихо на цыпочках подкрался к ложу моего спящего рассказчика и… моя рука, сжимающая дорогой клинок, сама, без всякого моего осознания и трезвой воли стала наносить удар за ударом, втыкаясь в мягкую пружинистую плоть.

Теперь уже сложно вспомнить, что именно я успел взять из своих вещей, я вышел, помню, на какой-то проселочной станции, не доехав до своего пункта назначения, мне хотелось бежать, куда-то, все равно куда. Я до сих пор не мог опомниться от происшедшего.

Не мог, да и не успел, навстречу мне плыла удивительная девушка, блондинка, а я, признаюсь честно, всегда испытывал к ним необъяснимую страсть. В груди что-то защемило, с болью и силой стало пульсиро-

вать. Сердце? Нет, не может этого быть. Клинок?! Как он оказался в моем кармане? Я ничего не помнил и не понимал…

И только в этот самый миг я осознал, насколько был прав мой попутчик в своих словах: «Человечество никогда не поймет, насколько я прав в своих действиях! Я не виноват!»

Он оказался прав, вся вина вот в нем, в этом бездушном куске металла с блестящей холодной сталью и остротой лезвия, именно он вершит расправу с этим миром, с женственностью и красотою, подчиняя себе невинную мужскую волю. Чудом и превосходством своей силы воли я противостоял жгучему желанию всадить клинок в это юное и прекрасное тело. Я бежал прочь, прочь прикрывая глаза, чтобы никого не видеть, не

замечать красоты этого мира. Оказавшись рядом с маленьким отелем, снял в нем комнату, где и пишу эти строки, строки своего предсмертного письма.

ПИСЬМО

Нашедшему это письмо, прошу, поверить в серьезность излагаемого мною, не смотря на всю бредовость расписанного здесь мною. Находясь в трезвом уме и при здравой памяти, хочу сознаться в убийстве, которое я совершил накануне ночью, убив своего попутчика, оружие преступления вы найдете рядом с моим бездыханным телом и этой предсмертной запиской. Прошу в моей смерти никого не винить.

Написав оное, я достал клинок из нагрудного кармана, последний раз взглянул на него, оценил мастерство ручной работы и полоснул себе по венам обоих рук, разрезы не получились глубокими, дрожали руки, но острота клинка мастерски справилась с моим желанием. Я лежал в

ванне, слушал шум проточной воды, ванна медленно наполнялась водой, в голове играла странная до боли знакомая музыка, музыка моего детства. Это был великий Моцарт, «Requiem»… чем больше прибавлялось воды, тем более усиливались музыкальные аккорды, и тем меньше мне оставалось жить.

ЭПИЛОГ

В одном из отелей был обнаружен труп молодого мужчины, род деятельности – писатель, который за всю свою жизнь так и не нашел признания, ни среди своих коллег по ремеслу, ни среди почитателей творчества. В объяснении его смерти обнаружены достойные сомнения моменты – все жертвы, перечисленные в предсмертном письме, никогда ранее не существовали, в поезде, до сих пор следующему по маршруту труп обнаружен не был.

А был ли попутчик? И кто он?

* * *

– Крошка моя, еще немного, милая, мне так с тобою хорошо!

– Да, да! Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобою. Ты необыкновенен!

Мощная рука уже сжимала хорошо выделанный, ручной работы, дорогой клинок с блестящей остротой стали. А обыкновенный кухонный нож пылился на полках одного полицейского комиссариата. Все еще только начиналось…